

ДИЗНЬ ИСКУССТВА

№



13

А. Э. МАРГУЛЯН.

ДИРИЖЕР ТЕАТРА ИМ. Т. ЛУНАЧАРСКОГО в ЕКАТЕРИНБУРГЕ.

1924

ЛЕНИНГРАД
МОСКВА

Новый Чехов.

(Окончание *).

Из отзывов Чехова о современниках любопытны замечания об Андрееве: „Леонида Андреева я читал еще в Москве, затем читал его едучи в Ялту. Да, это хороший писатель; если бы он писал чаще, то имел бы большой успех. В нем мало искренности, мало простоты, и потому к

нему привыкнуть трудно, но все-таки рано или поздно публика привыкнет и это будет большое имя“ (7 декабря 1901 г.).

„В тумане“ очень хорошая вещь. Автор сделал громадный шаг вперед, только конец, где распарывают живот, сделан холодно, без искренности“ (1 февраля 1903 г.).

*) См. № 11 „Ж. П.“

Несколько раз он говорит о Найденове, называя его настоящим драматургом и подлинным талантом. С особенным вниманием относится Чехов к Горькому: он внимательно читает его, „Мещан“ и „На дне“, бросая ряд очень тонких замечаний. Но нового о Горьком в этих письмах нет: все, что он пишет о нем, повторяется им в тех его письмах к Алексею Максимовичу, которые уже известны (см. письма Чехова т.т. 5 и 6).

Скупой на признания о собственной писательской работе, осторожно и боязливо пускающий в свою художническую лабораторию даже самых близких людей, Чехов, и в этих письмах о самом себе, как о писателе, говорит сравнительно немного: он сообщает, например, что принялся писать рассказ — „Архиерей“, — сюжет которого „сидит у него в голове уже лет пятнадцать“; „Невестой“ он остается недовольным, говоря, что написал ее в старой манере и что, вообще, он уже боится, что, как литератор, он уже отжил: каждая фраза, какую я пишу, представляется мне никуда негодной и ни для чего ненужной“ (19 сентября 1903 г.).

А когда за „Три сестры“ назначили ему Грибоедовскую премию, он написал жене: „как это не складно! Это не даст мне ничего, кроме буренинской брани. Да и уж стар я для сих поощрений“. И вообще, литература его не то что утомляет, а разочаровывает. Страстный ненавистник консерватизма, он видимо мучится от того, что сам не находит такой новой формы, которая удовлетворила бы его вполне. Еще давно, в годы расцвета своей славы, тогда, когда он говорил о себе шутя, что он, „Потемкин в литературе“, — он уронил горькое предсказание: „все мною написанное забудется через семь лет“. Его забудут, как он думает, через семь лет, так же, как от Тургенева остается только „одна восьмая или одна десятая из того, что он написал, все же остальное через 25—35 лет уйдет в архив“ (11 февраля 1902 г.).

Несколько больше признаний, относящихся к написанию пьес. В особенности, касающихся „Вишневого сада“. Для Чехова „Вишневый сад“ — комедия, может быть, даже фарс и ни в коем случае не драма. И тогда, когда он ее писал, и тогда, когда вел переговоры с Художественным театром о ее постановке, он все время настойчиво утверждает, что это „очень легкомысленная“ пьеса, что и начал он ее писать потому, что сильно его потянуло на водевиль, а у него предчувствие, что водевиль скоро будет в моде. „Я все мечтаю написать смешную пьесу, где бы чорт ходил коромыслом“ (19 сентября 1901 г.). Такой именно смешной комедией и рисовался ему „Вишне-

вый сад“. Он очень неохотно согласился отдать роль Раневской, которая была вообще задумана как роль для старухи, Книппер, считая, что Книппер должна обязательно играть Шарлотту, а Шарлотта — один, по замыслу, — один из самых главных комических персонажей. Варя в его глазах „глупая плакса“, даже „дура набитая“, в Гаеве ему не чувствовался Станиславский, так как он считал, что не в Гаеве дело: центральная роль пьесы Лопахин, и Лопахина должен играть Станиславский, ибо если „Лопахин будет бледен, исполнен бледным актером, то пропадет и роль и пьеса“. И судя по письмам, его не удовлетворила постановка „Вишневого сада“. Ему, видимо, казалось, что из пьесы, излишне перегруженной слезами и лирикой, выпал тот комедийный, может быть, даже слегка гротесковый тон, в каком она была задумана. Он с негодованием восклицает (в письме 29 марта 1904 г.), что 4-й акт, „который должен продолжаться 12 минут максимум, у вас идет 40 минут. Одно могу сказать: сгубил мне пьесу Станиславский“. И еще: „почему на афишах и в газетных объявлениях моя пьеса так упорно называется драмой? Немирович и Алексеев *) в моей пьесе видят положительно не то, что я написал“ (10 апреля 1904 г.).

Эти броски Чехова о толковании „Вишневого сада“, а также и „Трех сестер“, о чем, к сожалению, я не могу говорить подробнее за недостатком места, эти его авторские комментарии к пьесам дают возможность как-то по новому подойти к самой „теории чеховской драмы“, заново пересмотрев многое из того, что до сих пор казалось традиционным. И, быть может, недалеко то время, когда Чехов сможет быть заново интерпретирован на сцене. Каноны Художественного театра, которые, в полном созвучии с эпохой девятисотых годов, создали как бы формулы для понимания Чехова, — эти каноны должны будут показаться устаревшими. К Чехову еще подойдут с иной трактовкой, в которой старая формула, говорящая о совпадении самого Чехова с идеологией его времени, примет наверное совсем иные очертания. И кто знает, может быть, действительно, „Вишневый сад“ и будет сыгран как веселая комедия, как смешной водевиль о грустной русской жизни.

Во всяком случае, эти новые письма, огромное содержание которых не исчерпать в этом беглом очерке, приоткрывают дверь к новой оценке Чехова-художника.

ЮРИЙ СОБОЛЕВ.

*) К. С. Станиславский.